

Станислав ЛЕМ: Кошмары футуролога

Продолжение.
Начало – в №28(1206).

«ШАНС» продолжает публикацию небольших статей великого польского фантаста и философа. О сериале «Стар Трек», о взгляде на Землю из космоса, о том, что несет цивилизация миру и об опасностях развития технологий.

ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТА

Давно уже раздражал меня и злил транслируемый на нескольких спутниковых каналах сериал «Enterprise Star Trek». В принципе, я его и не смотрю, но время от времени случайно натываюсь на какой-нибудь отрывок. Этот сериал рассказывает о космических путешествиях и в целом построен на перечислении всех, насколько это возможно, реально действующих законов физики. Это как если бы кто-то писал реалистическую повесть, в которой хозяин дома забирается в дымоход и выходит оттуда петухом, а хозяйка несет яйца. То, что там происходит, оскорбляет меня, потому что я не люблю, когда смешивают жанры. Сказка – это замечательно, всегда пожалуйста, я люблю сказки, но о Золушке или Снежной Королеве, а не такие гибриды.

«Star Trek» показывают в наиболее активное время телепросмотров, а вот между шестью и семью часами утра, когда почти никто не сидит перед телевизором, баварское телевидение показывает цикл фильмов о космических полетах, снятых на основе материалов НАСА. Я специально встаю пораньше, чтобы это посмотреть. Объясняю – почему.

Мы наблюдаем Землю с высоты 300 или 400 километров, – и это потрясающий вид. Земля с такой высоты совершенно безлюдна. Чтобы увидеть такие большие города, как Токио или Берлин, нужна мощная подзорная труба. Зато видно абсолютно пустое пространство, пересекаемое лишь большими реками. Иногда можно увидеть большие, правильной формы многоугольные возделываемые поля, но поскольку большую часть планеты всегда заслоняют облака, то и это случается редко.

Когда появляется край Земли, становится видно, как неизмеримо тонка атмосфера, которую мы изо всех сил отравляем. Видно также – и это даже наполняет меня уважением к людям, – какую добротную работу выполнили древние картографы, размечая контуры континентов, океанов и морей, хотя в пропорции к Земле были даже меньше, нежели микробы по отношению к глобусу. Это действительно так выглядит... И еще одно – когда показывается Европа, то я вижу, что там нет никаких границ. Нету! Есть попросту Земля и все.

Другое дело – внутренние картинки космических станций «Мир», «Спейслэб» или на борту шаттла «Дискавери». Мое общее впечатление в самом сжатом виде: человек абсолютно не приспособ-

Коллаж: Александр Ланкович

лен к Космосу! Мы – земные создания, мы созданы, чтобы жить на этой Земле. В состоянии невесомости, например, совершенно не нужны ноги. Они переплетаются, болтаются в воздухе, и все, кто там находится, остаются в носках, чтобы не ударить кого-нибудь случайно ботинком по голове.

С удовлетворением утверждаю также, что точно предвидел некоторые явления. Я знал, что поверхностное натяжение придаст жидкостям в состоянии невесомости шарообразную форму, поэтому в моем романе «Фиаско» один из героев, уже в глубоком Космосе, вытряхивает из пакета апельсиновый сок, который превращается в шар, а он с соломкой во рту летит за этим шаром. Теперь я увидел немецкого астронавта, который широко раскрытым ртом поймал несколько капель напитка величиной со сливу.

Однако наибольшее впечатление на меня произвели съемки, сделанные во время сна экипажа станции. Все были в мешках, закрепленных со спины, а в отверстия на уровне плеч выставили руки, застывшие в странных, иератических позах, напоминающих египетские рисунки. Только дама, которая летала с ними, была вместе с мешком прикреплена к чему-то вроде матраса. Это понятие – станция даже в состоянии невесомости не хочет выглядеть слишком странно.

Все серии «Star Trek» я отдал бы за этот фильм. А тем временем никто, похоже, не хочет его смотреть. Правдой, кошмарной правдой оказывается старая римская поговорка: «Mundus vult decipere, ergo decipiatur». Мир желает быть обманутым, пусть же его обманывают. Люди хотят жить в неправде, в фальшивом мире.

Припоминаю, что когда Армстронг первым из людей смотрел на Землю с Луны, он был восхищен этой голубой планетой и ему казалось, что его экспедиция и наблюдение земного единства как-то повлияет на других. Но куда там! Кто сейчас еще об этом помнит?

НЕЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ

Технология – это независимая переменная цивилизации. Хотим мы того или не хотим, она сама приводит себя в движение, и каждое новое открытие вызывает возникновение последующих. Само направление развития технологии (если на минутку забыть обо всех моральных обстоятельствах, о которых следовало бы поговорить особо) напоминает, кратко выражаясь, течение реки. Висла, как всем известно, не течет, как стрела, по прямой линии до Балтики. Она приобрела свою

форму не потому, что выскивала притоки, а потому, что выбирала путь наименьшего сопротивления. С технологией то же самое. Попытки ею управлять всегда безуспешны: технология всегда атакует те места, которые плохо защищены. Она появляется там, где ее меньше всего ожидали. Тридцать лет назад, когда вышла моя «Сумма технологии», единственный в те времена ее критик, Лешек Колаковский, упрекнул меня в том, что я выступаю в качестве записного идеолога технократии. Это меня очень удивило, потому что, как я значительно позже ответил, можно было сказать, что, к примеру, профессор медицины, который пишет о заразных болезнях, о холере, тифе или чуме, является записным идеологом массового заражения и всеобщей черной смерти. Я этим интересовался, что вовсе не означает, будто я это расхваливал.

В принципе, я – говорю об этом с преувеличением – одновременно и консерватор, и прорицатель. Некоторые вещи я предвижу, но вовсе их не же-

лаю. Каждый может предвидеть собственную смерть – все мы смертны, – но это не означает, что мы желаем себе этой смерти. И в этом заключалась моя претензия к Колаковскому, который сделал из меня идеолога технократии. Я никакой не технократ, я всего лишь отдаю отчет в том, что есть. Например, бомба всегда является бомбой, и мы ничего не можем сделать с фактом ее существования. Когда в Польше была кампания против нейтронной бомбы и хотели, чтобы я ее поддержал, я сказал, что любая бомба – это плохо, и нейтронная бомба плохая, и атомная бомба плохая, – и вообще

добрых бомб не бывает. Только в Советском Союзе утверждали, что существуют атомы разного рода: злые атомы, империалистические, и добрые, замечательные атомы, то есть наши, социалистические.

Мой личный взгляд на применение и внедрение новых технологий выкристаллизовался и стал однозначным под влиянием жизненного опыта, – к сожалению. Не знаю, почему, но люди подвержены всем наихудшим соблазнам, и это наблюдается всюду. Раньше я не очень хорошо знал о том, что происходило в Африке, – не знал истории этого материка. Например, не знал, что между негритянскими племенами на юге Африки зияет какая-то пропасть, какая-то страшная ненависть. Из американской прессы я узнал, что зулусы сто двадцать лет назад победили колониальную армию. Но когда я смотрю теперь в телевизор на происходящую там резню, я думаю главным образом о позоре нашей цивилизации.

Потому что самым очевидным атрибутом нашей колониальной цивилизации, который бросается в глаза и который там остался после нас, является пулемет или танк. Цивилизация Белых отступает, – остаются ее отбросы. Недавно у меня было телевидение: они делали десятисерийный цикл моих ответов на разные темы, главным образом, из области прогнозирования бо-

лее или менее оригинальных участков современного фронта науки. Я сказал, – в шутку, – какие милые были времена, когда жители Африки ходили босиком, носили тростниковые юбочки, а в ушах или в носках кольца, сделанные из ручек от фарфоровых чашек, и когда бельевые привозили им ситец и стеклянные бусинки, а из оружия у них были разве что луки со стрелами да какие-нибудь копыя. С помощью такого лука и копыя можно было убить самое большее одного, двух человек, и только при встрече лицом к лицу. А вот когда у них есть пулемет...

Когда они кончили записывать, подошел ко мне режиссер, мой большой поклонник (как это сейчас мерзко говорят, «фан»), и сказал, что как-то неудачно получилось, – словно я нахваливал времена чудовищного примитивизма. Я ответил ему, что не следует наивно понимать мои слова в классическом духе возвращения к природе, но результаты, которые приносят смертоносные плоды нашей цивилизации, ужасны, и это меня весьма печалит.

Каждая технология обоюдоостра. И прогресс, конечно, порождает проблемы, заключающиеся, например, в том, что если сломается, скажем, несколько спиц в колесе брички, то можно в крайнем случае выпасть в канаву, но если сломается несколько спиц в турбореактивном самолете, то, скорее всего, все пассажиры погибнут. Рост технологии вызывает огромные риски.

Нельзя вообразить необоюдоострой технологии. Точнее, вообразить-то можно, именно такую технологию я придумал в романе «Осмотр на месте». Я придумал этикосферу – вирусы добра, которые делают невозможным причинение зла, убийства и т.д. Один мой немецкий комментатор занялся этим серьезно. Он размышлял, следует ли считать такую систему патернализмом или же это все-таки не патернализм, такое принудительное умиротворение, создание чисто инструментальным способом невозможности причинения зла. У меня же не было сомнения, что издержки этого славного замысла были бы страшными.

Перевод с польского – В. БОРИСОВ
Продолжение следует.

ОТКРЫТИЕ НЕДЕЛИ

УЧЕННЫЕ РАЗОБЛАЧИЛИ ВРУНОВ

Ученые выяснили, когда люди больше склонны врать. Оказалось, что это зависит от хронотипа человека. Так, по мнению исследователей, «жаворонки» с большей вероятностью соврут вечером, а «совы», наоборот, утром.

Так, «жаворонки», которые активны по утрам, более склонны к тому, чтобы врать и вести себя неэтично в вечерние часы. «Совы» же, наоборот, могут солгать утром и оказаться более честными вечером. По мнению психологов, это происходит потому, что у «жаворонков» и «сов» разные «уровни честности», зависящие от времени дня, в которое организм человека привык спать или бодрствовать.

По мнению одного из авторов исследования профессора Суниты Сах из Гарвардского университета, это открытие играет большую роль для работодателей и распределения ими рабочих мест, в особенности там, где люди работают посменно. «Если принятие решения зависит от хронотипа человека, то работодателям необходимо решить вопрос о продолжительности рабочего дня и о том, как он будет строиться», – добавляет ученый.

Исследование, проведенное американскими учеными, также опровергает сделанное ранее предположение, что люди, которые любят засиживаться допоздна, более склонны к плохому поведению, чем те, кто встает рано утром.

ЛАКОМСТВО НЕДЕЛИ

ЛЮДИ НАУЧИЛИСЬ ПЕЧАТАТЬ МОРОЖЕНОЕ НА ПРИНТЕРЕ

Группа американских студентов из Массачусетского технологического института разработала 3D-принтер, который может производить мороженое.

Студенты создали аппарат, способный «печатать» мороженое любой заданной формы, из машины для приготовления мягкого мороженого Cuisinart и 3D-принтера Solidoodle.

Модифицированный 3D-принтер разместили в холодильнике, чтобы лакомство не таяло сразу же после печати. Для заморозки napoletano мороженого использовался жидкий азот.

«Мы хотели сделать подобный принтер, чтобы привлечь к этой задумке внимание детей. Нам было важно, как разработать новую технологию, так и заинтересовать подрастающее поколение в занятиях наукой, чтобы общество и дальше могло расширять границы возможного», – рассказал 3ders.org один из участников проекта.

Ранее на 3D-принтерах уже пробовали печатать конфеты и даже гамбургеры и пиццу.